

МЕТОДОЛОГИЯ

Л.С. ВАСИЛЬЕВ

О закономерностях эволюции

Автор рассуждает о целесообразности и взаимной обусловленности эволюционных изменений и в природе, и в социуме. В статье выделены три важнейших фактора эволюции, до сих пор не оцененных по достоинству исследователями. Это случайность, фактор стечения обстоятельств и фактор ускорения социальной эволюции.

Ключевые слова: эволюция, исторический процесс, случайность, сложность, ускорение темпов эволюции.

The author argues on expediency and mutual conditionality of evolutionary changes in the nature and in society. In the article three major factors of the evolution are allocated, namely: the accident, the factor of coincidence of circumstances and the factor of acceleration of social evolution.

Keywords: evolution, historical process, accident, complexity, acceleration of rates of evolution.

Наша Вселенная, возникшая в результате Большого взрыва примерно 13–14 млрд лет назад, определяет статус всего сущего и живого, что было и есть в ее рамках. С этим едва ли кто-то станет спорить, разве что предпочитающие законам Вселенной волю Творца. Сразу же замечу, что в идею Творца верить не склонен, но как и И. Кант, тоже высказывавший сомнения на этот счет, полагаю, что далеко не все просто и есть немалые основания для рассуждений об объективной целесообразности природы¹. Обратив на это обстоятельство серьезное внимание, добавлю, что уже некоторое время разрабатываю проблему этой самой целесообразности применительно к эволюции всего сущего, и в частности нашей скромной планеты с уникальным феноменом жизни на ней, включая и разумную жизнь человечества [Васильев, 2011^a].

Обычно эта проблематика находится в стороне от социальных и политических исследований, но социополитическая обстановка в современном мире – если изучать вопрос в теоретическом плане – вынуждает и специалистов весьма далеких от астрофизики, обращаться к теме генеральных законов эволюции. Небрежение к ним, обусловленное в нашей стране крушением марксизма как идеологии с ее до предела примитивно-утопическими формациями (из которых сам К. Маркс не изучил ни одной, кроме разве что капиталистической, да и ту со многими, оказавшимися ложными, отвергнутыми историей посылками и предсказаниями), не имеет серьезных оправданий.

¹ “Телеологическое рассмотрение, по крайней мере проблематически, по праву вводится в исследование природы, но только для того, чтобы по аналогии с целевой каузальностью (*Kausalität nach Zwecken*) подвести его под принципы наблюдения и исследования, не притязая на то, чтобы объяснить его в соответствии с ней” [Кант, 1976, с. 383].

Ведь именно процесс неумолимо движущейся куда-то истории не только все более энергично привлекает к себе внимание, но и властно требует своего понимания. Не хотите – вам же будет хуже, как бы говорит он всем нам, человечеству. Между тем исторический процесс для тех профессионалов, кто хоть немного склонны заниматься проблемами макроистории, по-прежнему остается линейным. Попытаемся же разобраться в этом.

Ставя проблему законов вселенской эволюции, нужно сразу же заметить, что в любом случае мы имеем дело не более чем с гипотезой, в основу которой положен **элементарный постулат, сводящийся к тому, что существование всего сущего и тем более жизнь всего живого зависит от непрерывного движения в пространстве и во времени**. Вне этого нет и не может быть ничего. Альтернатива движению – энтропия, то есть гибель, смерть. А движение, хотя оно бывает и хаотическим, но, как правило, лишь в качестве частного случая, – это эволюция, то есть преобразование и/или перемещение от чего-то к чему-то. И стоит заметить, что главное не в том, чтобы узнать, апеллируя к астрофизикам, сколько миллионов лет может еще просуществовать планета как сгусток материи, замерзшей или, напротив, раскаленной, а в вопросе о взаимоотношениях человека с природой и в этой связи о шансах человечества.

Закономерностей, которые входят в предлагаемую гипотезу, всего две. Первая сводится к идее вызова и адекватного на него ответа, вторая и наиболее существенная, – к требованию соблюдения приемлемого баланса. О том, как работает первая, можно спорить, почему я ограничусь отсылкой на другие свои работы. А вот вторая нуждается только в том, чтобы читатель понял, что соблюдение чувства меры (в нашем случае – пределов роста человечества и цивилизации) не есть нечто неопределенное, позволяющее действовать без оглядки – авось планета все вынесет. Но она хотя и не живая, не вовсе безжизненна и потому ощущает возрастающее давление и соответствующим образом реагирует. Не нагнетая тревожных эмоций, обратимся к анализу сложившейся ситуации, имея в виду основные факторы, влияющие на процесс эволюции. Таких факторов – если говорить о самых главных из них – немного, причем они достаточно разные. Но имеется и сходство – свойство способствовать успеху эволюции или препятствовать ему.

Роль случайности в истории

Случайность в ряду указанных факторов можно считать, если и не самым важным, то во всяком случае наиболее распространенным и нередко играющим решающую роль. Но для начала обратим специальное внимание на феномен как таковой: что такое случай и как могут повернуться события в зависимости именно от этого фактора? Стоит оговориться, что перед нами серьезная научная проблема, разработке которой уделяли внимание философы и разные ученые, особенно математики (теория вероятностей). Однако, не включаясь в ученый спор и с оговорками воспринимая весьма распространенный марксистский тезис, будто в случайности проявляется закономерность, обратимся к вопросу о роли случая вообще и о его месте в историческом процессе.

Фактор случайности более чем серьезен и вполне заслуживает самого пристального анализа. Можно сослаться на известные рассуждения А. Пуанкаре о том, что когда-то, в момент зачатия Наполеона, достаточно было сперматозоиду сдвинуться на микрон и уступить место другому, не было бы Наполеона (вместо него родился бы кто-то другой), и вся история могла бы пойти иначе [Пуанкаре, кн. I, гл. IV, 1910]. Мысль абсолютно безупречна. Но, памятуя о марксистском тезисе, следует к сказанному добавить, что случайностей такого рода всегда неохватное множество и далеко не каждая из них проявляет закономерность. Не стало бы Наполеона, могут рассуждать марксисты, был бы кто-то другой. Это верно. Но разве это означает, что другой сделал бы то же и так же, как Наполеон? А если бы пустующее место великого человека в нужный момент занял бы какой-нибудь диктатор с замашками людоеда? Тогда

распространение достижений буржуазной революции в континентальной Европе, от Испании до Польши, плюс к этому деколонизация испанской Латинской Америки могли бы не случиться. Правда, буржуазные преобразования на европейском Западе были неизбежны. Но они могли быть реализованы иначе, причем нет смысла гадать, как, где и когда.

Не углубляясь далее в детали и не стремясь расширять количество примеров, обратим внимание на основное. То, что выглядит (и небезосновательно) как некая случайность, – это событие, которое может произойти либо не произойти, здесь или там, обернуться так или иначе, принести пользу или вред, победу или поражение. События такого рода встречаются на каждом шагу, как в жизни людей, так и в явлениях глобально-космического ряда. И вот это-то и есть самое важное, на чем держатся цепь событий, все законы эволюции, – если согласиться, что они существуют.

Первая и важнейшая для человечества случайность состоит в том, что в далекое время начала расширения Вселенной после Большого взрыва появились наша Галактика и в ней – наше столь отличающееся от миллионов иных звезд Солнце. Это опять слепой случай и снова нет сомнений, что то же самое могло бы произойти на орбите другой звезды, и никто никогда разницы не заметил бы. Можно только гадать, что случилось бы вместо этого, как и в случае с зачатием Наполеона в рассуждениях Пуанкаре. Следующая аналогичная случайность: у нашего Солнца появились планеты. Еще одна случайность: одной из них выпал исключительно редкий жребий: возникновение и развитие жизни. Очередной неоценимый случай – появление в результате усложнения форм земной жизни млекопитающих, приматов, антропоидов, наконец, *Homo sapiens*, то есть людей, наделенных разумом и творческими потенциями необычайной силы.

Итак, перед нами цепь событий, каждое из которых уникально, но которые в своей итоговой сумме могут считаться взаимообусловленными каузальными связями, что близко к представлениям Канта об объективной телеологической функции того, что имеет отношение к природе, к чему-то внешнему по отношению к людям, их исследовательской способности. Иными словами, перед нами действие объективной вселенской закономерности, имея в виду и то, что в реальной конкретике все эти связи абсолютно случайны. Это удачная случайность для всех нас, однако к собственно истории все упомянутое пока что не имеет отношения. Исторический процесс имеет свой масштаб случайностей, а закономерность остается только в том, что мы – каждый из нас (и тех, кто могли бы появиться на свет вместо любого из нас), человечество в целом – являемся существенным элементом и более того крайне важным и вне сомнений итоговым этапом процесса эволюции на нашей планете.

Sapienti sat, как говорили древние. Едва ли стоит продолжать. Пока вполне достаточно понять, что исторический процесс есть скопление случайностей, а все их скопление, вся цепь случайностей отражает именно определенный процесс, который, впрочем, в любую минуту может остановиться, напоревшись на драматическую, а то и роковую случайность. А может быть, цепь взаимообусловленных случайностей создаст такое стечение обстоятельств, с которым человечество окажется не в состоянии справиться, не сумеет сделать это даже ценой крайнего напряжения всех своих возможностей. Речь, к слову, идет скорее о геополитической катастрофе, а не о катаклизмах геокосмического масштаба. Понятно, что для анализа интересующей нас проблемы всего перечисленного слишком много. Но деваться-то некуда. Поэтому остановимся на том, что крайне существенно для истории, и начнем с антропогенеза, напомнив о его сути.

В ходе очень длительной серии неповторимых и в своем наборе явно случайных мутаций и следовавших за каждой из них непредсказуемых метисаций произошел сапиентный человек. Нет оснований сомневаться в том, что это был уникальный случай. Однако природа, которая олицетворяла все многообразие изменяющейся жизни на планете, лишь на беглый взгляд вроде бы играла сама с собой, следуя классическому принципу проб и ошибок. Эта была не игра, как может показаться. **Это был**

поиск новых форм движения, без чего планета не могла включиться в процесс вселенской эволюции, вне которого она с ее явными уникальными потенциями оказалась бы обречена на энтропию и стала бы равной другим планетам – безжизненным спутникам Солнца. Остается неясным, как повлияли упомянутые потенции Земли на ее поведение, каков был механизм воздействия на нее со стороны вселенских закономерностей эволюции. Была ли параллельно с обретением этих уникальных потенций автоматически возложена на нашу планету некая целеполагающая, по Канту, объективная неизбежность, продиктованная генеральным процессом эволюции. Ведь только генеральные закономерности этого процесса могли сформировать и заложить в эволюционную динамику всего живого и тем более разумного некие особые, отличные от абсолютно преобладающих в звездном мире Вселенной (в смысле количества вещества в них и времени их существования) формы существования. Имеется в виду как раз нечто вроде открытого Ч. Дарвином естественного отбора в ходе обязательного и неуклонного стремления всего живого и тем более разумного – при поддержке, опеке и подсказке природы – к чему-то все более совершенному.

Поймите меня правильно: если бы не так, разве не могла эволюция гоминид, то есть некое упорное стремление к совершенству, требовавшее дополнительных стимулирующих усилий, завершиться до возникновения сапиентов, как завершилась она в процессе эволюции других приматов, не говоря уже об остальном живом мире? И если считать, что какая-то неизбежность появления на нашей планете Человека разумного все-таки почему-то была, то почему? Что заставляло человекообразных двигаться к завершению начатого их далекими предшественниками поиска, к еще одной удачной случайности, сапиентации? Что способствовало реализации этого поиска? Современная наука, археология и физическая антропология не в состоянии дать развернутый убедительный ответ на этот вопрос. И не случайно вплоть до сегодняшнего дня в качестве вполне логичной альтернативы выступает религиозный миф, созданный разными религиями еще на заре истории. Но оставим миф в покое. Поищем другое объяснение.

Предположим, что целеполагающая мощь Природы была именно в связи с возникновением на Земле нового качества, не частого во Вселенной (жизнь и возможность генезиса разума), ориентирована как раз на реализацию возникших и существовавших в уникальных обстоятельствах возможностей. Это привело к тому, что процесс формирования все более совершенных видов в семействе *Homo* на нашей планете завершился, появился вид *Homo sapiens*, Человек разумный. И на этом эволюция в форме резко преобразующих гоминид мутаций вроде бы остановилась. Почему? Видимо, дело в том, что был достигнут некий желаемый предел. Речь о разуме.

С его возникновением цепь случайностей-мутаций завершилась, потому что главное было сделано. Собственно, именно этот великий завершающий момент в процессе антропогенеза и был, пожалуй, пределом реализации потенций, изначально заложенных в жизни как вселенском феномене. И вот здесь стоит остановиться и призадуматься: с момента появления разума человечество как совокупный Разум стало и активным сотрудником, и соперником Природы. Обе силы, объективная целеполагающая и совокупная субъективная, оказались вроде бы равно заинтересованы в соблюдении вселенских закономерностей эволюции, в частности закона баланса, который в качестве стража порядка стал следить за последующими шагами человечества. И не просто оценивать, но считать их не результатом отдельных случайностей, а неким итогом многих из них. При этом вместе с осознанным выбором, который была склонна делать разумная часть человечества, сама случайность превратилась в нечто, влияющее на исторический процесс.

Разум, руководствуясь импульсами со стороны Природы (нормой баланса), обеспечил надежное существование людей на нашей планете, что следует считать первым и главным достижением в том историческом процессе, который стоит в центре нашего внимания. Но на протяжении всей истории (по завершении процесса антропогенеза) удачные случайности продолжали играть исключительно важную роль. Они

содействовали созданию приемлемых форм организации социума (род, локальная группа охотников и собирателей), овладению производствам пищи, включая земледелие и скотоводство, переходу к оседлому образу жизни в стабильных строениях. Собственно, вся история длившейся тысячелетия неолитической революции, включая семейно-клановые ячейки-хозяйства в них, – это совокупность счастливых находок и разных удачных случайностей. Но стоит заметить, что разум контролировал случай и, учитывая норму баланса, стремился соответствовать ей.

Речь, разумеется, не о конкретных случайностях бытия человека, общности или страны, государства, а о том, что имеет общечеловеческую значимость и вписывается в исторический процесс, в его генеральные очертания. Известно, например, что первые шаги неолитических земледельцев были направлены в сторону великих речных долин, из которых наиболее удачной для освоения оказалась долина Нила с его медленным течением и регулярными календарной точности разливами. Для ранних этапов истории с их естественным стремлением к консервативной стабильности это было желанной нормой. Жить спокойно, без излишних волнений, вызываемых новшествами и переменами, от которых неизвестно чего можно ожидать, – вполне оправданное желание. Но естественный прирост населения, а также набег соседей, особенно жесточайших варваров-кочевников, обычно рушивших все, что попадает им под руку, и редко щадивших при этом мирных жителей, с течением времени вступали во все более острые противоречия с привычкой жить спокойно и неторопливо. Жизнь требовала поворачиваться быстрее и развиваться энергичней, ибо иначе консервативная стабильность могла обернуться ослаблением и гибелью. Вывод очевиден: спокойная жизнь вступала в противоречие с успешной эволюцией. Это очень важное несоответствие в середине I тыс. до н.э. проявилось на Ближнем Востоке, который был завоеван персами, создавшими гигантскую империю Ахеменидов.

Эта империя стала на ряд веков вершиной могущества традиционного Востока и общества восточного типа. В государствах традиционного Востока господствовала структура власти-собственности с соответствующими ей институтами централизованной или децентрализованной редистрибуции. Практически это означает, что обычные предприниматели в рамках рыночно-частнособственнических отношений были не свободны в торгово-экономических операциях. Торговые связи и ремесло находились под строгим контролем администрации, предприниматели не имели прав, свобод, гарантий и тем более привилегий, были обременены нормами обычного права, усугубившими бремя налогов и таможенных пошлин, традицией подношений власть имущим. Вторичность и зависимость торговли, рынка и частной собственности были порождены тем, что становление государственных институтов на Востоке опередило тот период, когда в них набирал силу процесс приватизации и получали распространение товарно-денежные связи и рынок. Естественно, что власть, привыкшая распоряжаться всем произведенным продуктом (откуда и понятие “*власть-собственность*”), рассматривала богатевших частных собственников как конкурентов. Жесткий контроль над частной собственностью, фактически оскотинивший ее, делал невозможным появление на Востоке буржуазии с ее тенденциями к модернизации и к достижениям в производственно-предпринимательской деятельности (см. об этом [Васильев, 1982; 2008; 2011]).

Такого рода ситуация в странах традиционного Востока грозила увековечить стабильность и поставить под вопрос саму идею эволюционного движения. Здесь и сработал, как следует полагать, закон баланса, импульсы которого содействовали тому, что в балканской Греции, на далекой окраине Востока, произошла великая всепланетного масштаба случайность, социополитическая мутация, которая привела к появлению античного полиса. Не возвращаясь к проблеме целеполагающей мощи влияющих на поведение людей внешних сил, замечу, что полис с его идейно-институциональным фундаментом, основанным на принципах демократии, свободы, права и закона, породил гражданское общество и патронировавшие выборной властью рыночно-частнособственнические отношения, быстро приведшие к формированию протобуржуазии. Природа и разум в тесном содружестве сделали свое дело.

Когда империя Ахеменидов попыталась воевать с разрозненными и малонаселенными полисами, с трудом объединившимися перед опасностью извне (вот чему было бы поучиться русским князьям в момент нашествия татар!), она не сумела одолеть противника в греко-персидских войнах. Более того, спустя всего около века после окончания этих войн та же империя, собравшая в кулак все свое огромное военное могущество, позорно проиграла битвы с великим греко-македонским полководцем Александром, сила войска которого не шла в сравнение с тем, чем обладал правитель Ахеменидов. Почему проиграла? Вообще практически в любой войне решающую роль – при бесспорной значимости прочих факторов – играет опять-таки случай. Но случай в подобных обстоятельствах тоже появляется не сам собой, а как следствие умелого расчета, в результате напряженной работы выдающегося разума. В крушении державы Ахеменидов решающую роль сыграл военный гений Александра.

Впрочем, указанный случай был обусловлен и рядом других обстоятельств. Победу грекам и македонцам принесла их социополитическая структура, демократические нормы жизни, рыночно-частнособственническая экономика и та самая свобода, которую все они столь высоко ценили. А это – результат возникшего у них нового идейно-институционального фундамента, бывшего следствием и свидетельством работы разума. Ведь Элладе противостояли солдаты империи, которую греки воспринимали как деспотию рабства. Господство античной структуры и нанесенное эллинами поражение Востоку привели к тому, что эллинизм начал быстро распространяться в персидской империи. И не приходится удивляться, что в городах древнего Ближнего Востока возникло новое хозяйство смешанного типа, сделавшее ставку на предпринимательство протобуржуа и энергичную технико-технологическую модернизацию. Собственно, именно это, а не само по себе завоевание привело к радикальным переменам на традиционном Востоке. Правда, эти перемены, затронувшие лишь города (**мировой город**, обществу западного типа, противопоставленные греками **мировой деревне**, обществу восточного типа) и оставившие вне своего воздействия провинциальную местную хору, не сумели за несколько веков существования сломать тысячелетиями создававшуюся и хранившую свои традиции в рамках многонаселенной хоры восточную структуру власти-собственности. Это сыграло роковую роль в последующих событиях, связанных с экспансией ислама.

Но связь исторической случайности с закономерностью эволюции отнюдь не жесткая. Вот наглядный пример, имеющий отношение к нашей теме. Завоевания Александра и победоносное шествие эллинизма на Ближнем Востоке, слившись воедино, могли, как казалось, дать огромной силы мощный импульс. Он явно должен был преодолеть древнюю и много более отсталую, старую традиционно-восточную структуру, основанную на власти-собственности со всеми ее нормами устоявшегося тысячелетиями бытия. Но получилось не так. Вместо этого на первый план в судьбах античности вышли одна за другой иные случайности. Сначала это были варвары, появившиеся из восточных степей и сокрушившие великий Рим. А затем вроде бы вообще невесть откуда взявшиеся арабы-мусульмане, тоже варвары-кочевники, бедуины, завершившие начатый европейскими племенами кочевников разгром античного Запада. Так потерпели крах и ближневосточный эллинизм, и весь мир античности. Две связанные с активностью варваров-кочевников роковые случайности не смогли противостоять комплексу удачных случайностей, создавших сперва империю Александра, а затем и еще много большую и длительную империю Рима. Так как же в этой связи ставить вопрос о случайности, в которой проявилась закономерность? Видимо, не только с осторожностью, но и имея в виду, что в реальности все сложнее.

Стечение обстоятельств

Сложность в реальных сплетениях многих исторических событий часто играла и все еще играет решающую роль в историческом процессе, приводя его участников порой к неожиданному результату. Например, события XX в. с их мировыми войнами, кровавыми социальными экспериментами, массовыми репрессиями и непредсказуе-

мыми глобальными проблемами, связанными с активностью тоталитарных идеологий и практикой масштабного террора, дали убедительные свидетельства того, что стечение обстоятельств представляет собой важный фактор социальной эволюции.

Дело в том, что и переход от присвоения пищи к ее производству, и процесс полигогенеза, обеспечивший порядок, столь необходимый для численно разросшихся и враждующих коллективов, и социополитическая мутация, приведшая к античной структуре, не обошлись, во всяком случае на мой взгляд, без идущих от Природы импульсов, побуждавших людей к поиску новаций. В этом и проявлялись эволюция, движение вперед, без чего жизнь замирает и наступает стагнация и энтропия.

Конечно, есть соблазн считать, что все шло как бы само собой. Но тогда каким все-таки был механизм, обеспечивавший это просматривающееся с позиций метаистории линейно-поступательное движение? Теория формаций с ее неизвестно из-за чего вечно растущими “производительными силами” оказалась несостоятельной, рассуждение об исторических и неисторических народах, объясняющее факт отставания одних и выход вперед других, лишь позволяет определить то, что способствует или препятствует эволюции, но механизма ее не раскрывает. Можно было бы, конечно, все свести к разуму *исторических* народов. Но процесс эволюции, пусть не столь стремительный, шел и до появления на планете сапиентов с их разумом. Стало быть, некие внешние импульсы по отношению к субъектам эволюции, ко всему сущему и живому, в первую очередь к гоминидам и предлюдям, а потом и к людям, были. А роль случайности и стечения обстоятельств как факторов эволюции заметна на движении человечества от первобытности до современности. Поэтому трудно отказаться от идеи целепологающей мощи воздействия со стороны Природы. Людям не хватало разума, чтобы обходиться без ее подсказки, без гипотетических импульсов, объективно выполнявших одну функцию – подгонять ту передовую часть человечества, которая оказывалась для этого пригодной.

Здесь снова нужны оговорки. Закономерности эволюции, открытые Дарвином, сводятся к генеральным принципам естественного отбора в борьбе за существование, но разум человека и нормы его бытия вносят в эти принципы коррективы. Они не всегда идут в том же русле, что и заботы Природы об эволюции человечества. Природа долго была пристрастна к человеку, этому наиболее совершенному ее произведению. Но люди на раннем этапе истории были готовы истребить на планете все живое, а затем и самих себя, завершив тем самым эксперимент с разумом, если бы не импульс, побудивший их переключиться на производство пищи. Затем возникла оседлость, появились государства восточного типа с их генеральным принципом консервативной стабильности, что вело к приостановке движения и грозило энтропией. Новый импульс вызвал социополитическую мутацию, породившую античный полис. Эллизм не привел античность к успеху, Рим рухнул, но античные традиции, будучи заимствованы варварскими королевствами средневековой Европы, создали буржуазный Запад с его великими потенциями к потрясающим успехам в темпах эволюции. Потенции разума, таким образом, были реализованы не сразу. Но достаточно созревший разум наиболее передовых людей, живших в условиях свободного общества западного типа, с их гуманно-этическими нормами бытия в принципе был подготовлен к столкновению со все новыми и новыми проблемами глобального уровня.

Подробнее об этом – чуть далее, а пока несколько слов о стечении обстоятельств. Нет сомнений, что оно зависит не только от глубины и мощи разума тех, кто принимают решения, но также и от объективного влияния внешних сил и условий, в которых идет процесс. Важно принять во внимание динамику и тенденции перемен, нельзя забывать и о том, что не всякая случайность проявляет закономерность. Сложный комплекс стечения обстоятельств потому и запутан, что охватывает обычно слишком много неизвестных, но существеннейшим образом важных для судеб истории факторов. Реконструкция истины возможна только задним числом. Печальный опыт эллинистической древности, преодоленной полупервобытным исламом, – случай, не проявивший закономерности, успеха продвинутого общества, – свидетельствует об этом.

А вот ситуация в Европе, где не угасшие, хотя и притоптанные конями варваров античные традиции, как и крепко уже стоявшая на ногах христианская церковь победили, – отражает эту закономерность.

Буржуазный фактор ускоренной эволюции

Мало того, впечатляющие успехи городов средневековой Европы легко привели к тому, что возник и начал активно действовать третий и самый важный – буржуазный – фактор эволюции с постоянно нарастающими темпами ее ускорения. Генетически он восходил к античности с ее мощной протобуржуазной предпринимательско-модернизаторской деятельностью. И когда на европейском Западе, пусть не сразу, античность была замещена городской предбуржуазией, буржуа включили на полную силу этот фактор эволюции, опиравшийся на производственное предпринимательство, нуждавшееся, стоит подчеркнуть, в работниках, ресурсах, рынках сбыта. Все это после Реформации и Великих географических открытий (XV–XVI вв.) становилось делом величайшего исторического значения. А буржуазный фактор эволюции в новых условиях оказался блестяще оправдавшим себя механизмом, способным к регулярному самоусовершенствованию и к неукротимому самоускорению. Включенный полноценным и развитым разумом передового человечества на полную мощность, он резко интенсифицировал начатый в античности процесс модернизации. Успехи энергичного предпринимательства в XVII–XVIII вв. вызвали к жизни великие достижения в сфере науки, техники, культуры и искусства, которыми заслуженно гордился Запад.

Сложившаяся ситуация достаточно точно отражает сущность проблемы. Речь не только об успехах и улучшении условий жизни людей, но также и о тех вопросах, которые возникли вследствие начавшегося в XIX и XX вв. резкого численного роста человечества, особенно в странах вне Запада, воспроизводившихся наиболее активно. Этот мир начал вестернизироваться. Под воздействием капитала и внедрявшихся им новаций, достижений науки и техники, роста европейской культуры с ее стандартом бытия, включая условия образа жизни, медицину, санитарию и гигиену, он не просто ощутил преимущества европейской цивилизации. Мало сказать, что потенциал буржуазной эволюции изменили мир, они решительно преобразовали его, и он, особенно в XX в. с его деколонизацией, стал меняться в ускорившемся темпе. Гораздо важнее обратить внимание на то, что наиболее бедный и во многом остававшийся отсталым мир вне Запада в заметно улучшившихся условиях жизни начал энергично воспроизводиться, что вело к замедлению его эволюции.

Дело в том, что сила первобытного инстинкта, в до того тяжелых условиях бытия – при высокой смертности, особенно детской, – вызывавшая естественное для любого вида живущих стремление к максимально возможному уровню рождаемости, не исчезает с легкостью и быстро. Это свойство вида – врожденное и меняется очень медленно даже при благоприятных условиях. А резко усилившиеся темпы воспроизводства, наиболее заметные среди самых отсталых народов, вызвали небывалые темпы прироста населения. Совокупно с невиданными прежде темпами индустриального производства, технико-технологического прогресса и загрязнения всех сфер обитания жизни на планете, этот прирост привел к резкому противоречию между человечеством и благосклонной к нему – как правило, к передовой его части – Природой. Возник тот самый конфликт между Природой и Разумом, о котором вскользь уже было сказано.

Давление человечества на планету

В чем конкретно это проявилось и как именно Природа реагировала? XX в. отмечен длительным существованием тоталитарных режимов, двумя мировыми войнами в традиционном смысле слова и одной холодной. После кратковременного триумфа буржуазии в XIX столетии началась крайне жесткая конфронтация держав, часть которых претендовала на мировое господство. Объективно главной причиной следует

считать резкие перемены, вызванные включением в мировой рынок всей планеты. Не останавливаясь на противоречиях между странами Запада, важно обратить внимание на то, что начиная с большевистской России, на авансцену истории вышла **мировая деревня**. Кроме того, весь мир вне Запада, получив от колониализма мощный допинг, стал без осознанных потерь от болезней и ранней детской смертности энергично воспроизводиться. Темпы воспроизводства начали расти, ибо диктуются они не условиями жизни (эти условия улучшились – смертность сократилась), а уровнем культуры и инстинктом, изменение которых требует многих веков.

Но перемены в численности людей² – а Дарвин, отнюдь не имея это в виду, писал в свое время, что потомство одной пары, если этому не препятствовать, способно за короткий срок заполнить планету, – не могли не насторожить Природу, которая не осталась равнодушной к тому, что прежде мало, а то и совсем не освоенные территории с молниеносной быстротой осваивались энергично размножившимся человечеством. Важно также, что доля бедных и отсталых стран в этом приросте абсолютно преобладала. Если где-то в 1930 г. из двух миллиардов населения планеты один приходился на развитые западные страны, а другой – на остальные, то в наши дни почти шесть миллиардов из семи относятся к числу бедных и обездоленных, в том числе не способных себя прокормить. Даже если в дальнейшем столь впечатляющее ускорение темпов несколько замедлится, что вовсе не обязательно (опираться на формулы и не видеть реалии – самое слабое место в позиции современной демографии, вплоть до соответствующих служб в ООН), прирост долго еще не прекратится, коль скоро вообще можно на это надеяться: нельзя забывать, что он происходит за счет тех, кто вынужденно повинуются инстинкту. А это значит, что рано или поздно – в пределах того времени, которое для нас можно считать близким, скажем, в течение века или несколько больше – наступит предел, за которым последует нарастающая нехватка средств, необходимых для удовлетворения элементарных потребностей постоянно возрастающего человечества.

Имеются в виду не только пищевые ресурсы, но и питьевая вода, и дающие воздух леса, не говоря уже о строительно-техническом производстве, о тех современных потребностях, удовлетворение которых тоже рвется вперед. Нет смысла вдаваться в детальные расчеты и прикидывать, до каких пор человечество, и прежде всего обеспечивающий пока его благополучие передовой и развитый буржуазно-демократический Запад, численно почти не растущий, сможет сдерживать спровоцированное в конечном счете им же самим безудержное возрастание количества обездоленных. Впрочем, если не лукавить, то альтернативы практически нет. Позаботиться об этом больше никому, Запад это хорошо сознает. Но совершенно ясно, что сложившееся положение, в свою очередь, не обеспечивает обездоленному большинству человечества столь желаемой и привычной, а главное, гарантированной стабильности.

Понятно, что сложности не за горами. Они уже видны любому, кто не закрывает глаза. И видны не только нам, людям. Все происходящее на поверхности планеты отнюдь не безразлично Природе, испытывающей чересчур быстро и резко возрастающее на нее давление. И у нее, конечно, есть средства, которые дают человечеству понять, что закон баланса не дремлет, что у внешних по отношению к людям сил есть возможность действовать. Вспомним, что на нашей памяти, достаточно хорошо письменно фиксированной (а это тысячелетия), никогда не случилось такого обилия серьезных землетрясений, цунами, торнадо, ураганов, столь гигантских по объему и последствиям наводнений, таких частых и изнурительных скачков в привычном климатическо-температурном режиме, с которыми все мы столкнулись только в первом десятилетии XXI в. Я уж не напоминаю об озоновом слое, таянии северных льдов, заметно ускорившемся движении тектонических плит и о многом другом в том же духе. Разумеется,

² В XV в. на планете их жило примерно 0,4–0,45 млрд, в XVIII – 0,7–0,8, к концу XIX – 1,6, к концу XX перевалило за 6,2 млрд, а в ноябре 2011 г. был зарегистрирован семимиллиардный житель планеты. Рост за столетие вчетверо, а если брать Тропическую Африку, то в ней почти еще вдвое больше.

все это можно при желании отнести за счет случайности или стечения обстоятельств. Но в статье далеко не зря то и другое рассматривается в качестве факторов эволюции, к которым, естественно, ни человечество, ни Природа не могут оставаться равнодушными. И это вполне понятно, закономерно, ибо оно и есть жизнь. **Наша жизнь**, включая будущие, следующие сразу же за нами поколения, что существенно. Практически сказанное означает, что человечество не может, не должно позволить себе быть равнодушным к тому, что происходит. Другое дело, как оно может – если может – изменить объективно складывающиеся обстоятельства. Возможно ли это вообще? Намечу некоторые решения пунктиром.

Суицид как реакция на социальный дискомфорт. Многих интриговали хорошо известные факты выбрасывания на берег групп китов, дельфинов, повторяющиеся регулярно. Обращаясь к понятиям *социальный инстинкт* и *социальный дискомфорт*, можно воспринять это как влияние регулирующей силы поведения вида в целом, которая действует в строгом соответствии с теми законами, что были открыты и обоснованы Дарвином (а это и есть, напомню, закон баланса). Перед нами социальный инстинкт, вызванный к жизни интересами вида. Бесстрастная статистика утверждает, что число самоубийств растет, **когда создается ситуация, обостряющая условия жизни**. Например, в ГДР после возведения Берлинской стены количество случаев суицида, по некоторым данным, увеличилось в 25 раз. А если кто-то заинтересуется, чего больше в России последнего времени – убийств или самоубийств, то будет немало удивлен данными все той же статистики. Это состояние объективно. Оно может никак не быть осознано, но инстинктивно ощущается многими. Отсюда и рождается не вполне естественная для нормального индивида готовность пожертвовать жизнью ради какой-либо искусно возвеличенной цели. Речь не только о шахидах. Есть и другие сходные псевдорелигиозные идеологии тоталитарного типа (“За Сталина!” – помните?).

Бедные и экстремисты. В середине XIX в. Маркс сформулировал идею, суть которой сводится к тому, что бедные должны восстать против богатых. Идею подхватили большевики, переинтерпретировав ее для нужд мировой деревни. Затем приняли эстафету маоисты, а после Второй мировой войны и деколонизации псевдомарксистский экстремизм взял на вооружение еще ряд стран, особенно самые бедные. После крушения марксистского тоталитаризма (СССР) на рубеже XX–XXI столетий политический экстремизм обрел новую силу в форме возрождения первозданного средневекового ислама. Тоталитарно-террористическое движение мусульман в отсталых и бедных исламских странах, преимущественно африканских, стало в последние четверть века угрожающе расти. Стремление его к завоеванию мира силовыми методами становится все заметнее, подбодря экстремистов в некоторых других странах, будь то пригималайский регион или далекая Латинская Америка.

Экстремизм бедных и отсталых, численность и доля которых на планете постоянно растут, можно расценивать как ответ обездоленного большинства, появившегося на свет не без участия богатого Запада, на вызов Природы, обеспокоенной крайней степенью нарушения баланса. Иными словами, речь об объективной тенденции, которую сравнительно недавно исследовал С. Хантингтон. Правда, он больше писал о роли цивилизационных различий и не слишком уделял внимание проблеме перенаселенности планеты за счет крайне обильного воспроизводства наиболее бедной и отсталой части ее населения, которое очень слабо вестернизуется. Но свой весомый вклад в понимание сложности того мира, в котором мы живем, этот ученый внес.

Ускорение шагов истории тоже нельзя игнорировать. Одно за другим следуют в мире, почти исключительно на Западе, открытия, с помощью которых человечество с его достигшим уже высочайшего уровня совокупным разумом стремится, познавая тайны природы, подчинить ее. Считается, что это принесет благо человечеству. Однако главное в том, что наиболее передовая и мудрая часть исследователей – не может остановиться. И это почти трагично, потому что есть немало оснований полагать, что столь энергичный темп движения приведет мир не только к успехам. **Нельзя не считаться с тем, что мы живем и всегда будем жить в замкнутом пространстве**

планеты. Больше для нас нигде нет и никогда не будет места. А это значит, что нужно понимать неизбежное. Оно в том, что привычный наш мир движется к катастрофе просто потому, что поведение человечества резко расходится с нормой, установленной законом баланса. Ничем не контролируемый и почти не сдерживаемый войнами, эпидемиями и политикой ускоряющийся приток бедного и обездоленного населения остановить невозможно. К середине века, через какие-нибудь четыре десятилетия, число молодых, активных и очень недовольных людей – мы видели их немало в последние несколько месяцев на экранах, показывавших события в нескольких арабских странах, далеко еще не самых отсталых и бедных, – возрастет еще больше. Население мира достигнет 10–11 млрд, а фактически, быть может, и больше. И это не преувеличение алармистов, но неоспоримый факт.

Проблема ресурсов. Встает вопрос, где взять достаточное количество пищи, питьевой воды, не говоря уже обо всем прочем, что тоже будет требоваться во все более увеличивающемся объеме. Конечно, можно сослаться на энергичные поиски в сфере нанотехнологии, но ведь никакие “нанопродукты” и “нанотовары” не смогут удовлетворить спрос. Если говорить о том, что касается регулярного жизнеобеспечения многих миллиардов людей, потребуются, в основном, примерно тот же набор продуктов и товаров, что и сегодня. Только их нужно будет все больше и больше. Некоторое время это станет еще стимулировать рост производства, а значит, технико-технологическое, энергетическое и всякое прочее антропогенное давление на планету, как и горы загромождающих и сильно засоряющих землю и океаны отходов, могут только расти. Встанет вопрос: кто будет за это платить и как это будет организовано? Ресурсов пока много, открываются и новые. Но элементарная их разработка и утилизация тоже ведут к увеличению давления.

Даже в богатых ресурсами странах Африки или в Афганистане местное население и после начала их разработки не сразу перестанет быть отсталым и, что крайне существенно, не прекратит слишком часто и много рожать. Иными словами, ни обогащение кого-либо за счет эксплуатации природных ресурсов, ни даже энергичный рост индустриально-технологической мощи для того, чтобы накормить и обустроить всех – если это вообще представляется возможным – не избавит планету от увеличения давления на нее. Причем увеличения большого и постепенно становящегося, как вполне можно предположить, невыносимым. Как будет реагировать на это Природа с ее законом баланса, который именно для того и существует, чтобы не допустить ситуации, вызванной серьезным неуважением к приемлемой и не нами установленной норме? И надолго ли хватит тех богатых на Западе, кто будут брать на себя заботу обо всех?

Трагедия глобально-ускоряющейся эволюции

Подведу итоги. Эволюция – естественная норма существования, но подходит момент, когда она более не нужна ни человечеству, которое вошло в состояние глобально-ускоренного бега и вот-вот задохнется от противоречий между ничтожным меньшинством процветающих и столь безудержно растущим количеством всех остальных, бездумно разбуженных этим меньшинством и зависящих от него, ни Природе, давно существующей уже на пределе ее возможностей и терпения. Что же делать? Если всерьез задуматься и учесть весь расклад сил, принять во внимание все факторы, определяющие эволюцию (случайности, стечение обстоятельств, бесконечный рост науки и техники в буржуазном обществе, которое для того и возникло, тем и живет), то выхода почти нет. Остановить движение (мгновение), как и в великой поэме И.-В. Гёте, никто не может и, похоже, не сможет. Продолжать его в том же духе далее, пока не грянет гром, невозможно, ибо это ведет к катастрофе, о конкретных формах которой едва ли стоит пока вести речь. Одно очевидно: человечество вступило в ту фазу эволюционного движения, которую нельзя считать нормальной, тем более желанной.

Стало быть, человечество на распутье. Один из возможных исходов – просто поворот эволюционного движения вспять. Но вот что неясно в этом случае: если

сегодня – с чем едва ли кто станет спорить – человечество, напрягая свои возможности, едва справляется с задачей накормить и тем более обеспечить сколько-нибудь приемлемый уровень существования для всех, то как оно сможет делать то же самое для продолжающего расти населения планеты завтра?

Это значит, что конфликт между желаемым и возможным на глазах обретает облик гигантской пропасти – и для существующих сегодня 7 миллиардов, и для будущих 10–11 миллиардов завтра. Как ни горько признавать, но объективно даже мечта шахидов возродить стандарты средневекового халифата на таком фоне может показаться не слишком чудовищной. Более предпочтительные варианты тем не менее пока не просматриваются. Видимо, стоит приложить усилия, чтобы, сконцентрировав внимание именно на этом, поискать их как следует. С Природой лучше жить в мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев Л.С. Власть-собственность – генеральная структура неантичных и добуржуазных обществ // Восток как предмет исторических исследований. М., 2008.

Васильев Л.С. История Востока. В 2 т. Т. 1. М., 2011^а.

Васильев Л.С. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в Средние века. М., 1982.

Васильев Л.С. Эволюция общества. М., 2011^б.

Кант И. Соч. В 6 т. Т. 5. Критика способности суждения. Ч. 2. Критика телеологической способности суждения. М., 1976.

Пуанкаре А. Наука и метод. СПб., 1910.

© Л. Васильев, 2012